

Не останавливаясь на разборе отдельных пунктов «обвинения» (часть из них будет затронута в дальнейшем), отметим принципиальные исторические и методические противоречия системы доказательств Ровинского—Стасова в целом.

1. Для аргументации используются одновременно две гравюры разного времени. За основу взят один из сравнительно поздних вариантов — «трехлистная» гравюра на меди,¹⁴ но постоянно привлекается, хотя это нигде не оговаривается, и более ранний памятник — гравюра на дереве.

2. Переплетены, сбиты в одно целое две трактовки содержания гравюры. С одной стороны, сюжет толкуется как ликование раскольников или даже церкви¹⁵ (в позднейшей литературе иногда просто недовольных) по поводу смерти Петра I. При таком объяснении смысл притчи о коте и мышках сохраняется, по попытке придать ей конкретное содержание приводит к противоречию. Среди противников Петра и, что еще хуже, среди раскольников оказываются пьяницы и курильщики. Стремясь избежать такого несоответствия, Ровинский и Стасов параллельно выдвигают вторую трактовку. Картинка рассматривается как сатирическое, карикатурное изображение похорон Петра I. На этом пути исследователи, не замечая того, попадают в ловушку: мыши из исконных противников кота превращаются в его друзей и соратников. Среди них Ровинский (аргумент 3 и 12) находит приближенных Петра («чухонка Маланья» — овдовевшая Екатерина, «рязанская мышь сива» — Стефан Яворский, обличитель раскола, умерший за три года до Петра I, «Дорошка» — гетман Петр Дорофеич Дорошенко, ум. в 1699 г.) и призывает определить в мышах других деятелей петровского времени, что успешно продельывают его последователи («мышь пирожница» — Меншиков).¹⁶ Придворные царя оказываются в одном ряду с бедным, обиженным человеком, соратники и противники спутаны. Основной смысл притчи нарушен.

3. Современная историография показывает ошибочность распространенного мнения, что старообрядцы были одной из основных сил, боровшихся против петровских преобразований. Создатели легенды о Петре-антихристе и Петре — подменном царе не

Duchartre P. L. L'imagerie populaire russe et le livre gravé. Paris, 1961, с. 164—168; Овсянников Ю. М. Лубок. Русские народные картинки XVII—XVIII в. М., 1968, с. 11—14; Сакович А. Г. Русские народные картинки XVII—XVIII в. Гравюра на дереве. М., 1970, с. 11—12, 36—37; Балдина О. Д. Русские народные картинки. М., 1972, с. 83—90; Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. М., 1960, с. 66—67.

¹⁴ Д. А. Ровинский датирует гравюру первой половиной XVIII в., указывая, что она выполнена на ахметьевской фабрике (*Ровинский Д. А. Народные картинки. . .*, т. I, с. 395, № 170). Однако деятельность И. Я. Ахметьева (1722—1790) падает на вторую половину XVIII в. (Даты жизни И. Я. Ахметьева установлены по метрическим и исповедным книгам — ЦГИА г. Москвы, ф. 2126, оп. 1, д. 724, л. 82; ф. 203, оп. 747, д. 269 и сл.).

¹⁵ *Овсянников Ю. М. Лубок. . .*, с. 14.

¹⁶ *Рогов А. Как мыши кота погребали. — Волга, 1976, № 9, с. 166—182.*